

Приглядываясь осторожно
К подробностям небытия,
Отстаивая, сколько можно,
Своё, как говорится, «я»,
Надеясь, недоумевая,
Отбрасывая на ходу
«Проблему зла», «проблему рая»,
Или другую ерунду...

Георгий Адамович

«Приглядываясь осторожно»

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

Простим и мы, и Бог простит,
Но грех прощения не знает,
Он для себя — себя хранит...

Зинаида Гиппиус «Грех»

...Глубокая ночь, спальня, горит ночник, рассеивая слабый пещерный свет; явственно ощущается тяжелый запах лекарств. На кровати лежит женщина, слышно ее тяжелое дыхание. Аппаратура на тумбочке — мигают зеленые огоньки; пластиковые трубки, игла в вене. Женщина не то спит, не то без сознания; бледное лицо с заострившимися чертами, приоткрытый рот. За окном непогода, ветки бьются в окно и льет дождь. Время от времени вспыхивает сине-белое ветвистое дерево молнии, и комната освещается голубоватым светом. Тут же оглушительно рывкает гром.

После очередного раската женщина вдруг открывает глаза и обводит комнату бессмысленным взглядом. Повернув голову, задерживается на зеленых огоньках, потом на квадратике марли, удерживающей иглу в вене. Свободной рукой неуверенно тянет за пластиковую трубку; морщится, почувствовав боль. Игла выскальзывает из вены и повисает, слегка раскачиваясь. На ее кончике ка-

пля крови. Женщина закрывает глаза; проходит минута, другая...

Она снова открывает глаза и, уцепившись за край кровати, пытается подняться. На лице ее гримаса боли. Ей удается встать, и она стоит около кровати, словно соображая, что дальше. Неверными шагами, босая, идет к двери, открывает ее и выходит в коридор-галерею с темными деревянными перилами.

В доме царит тишина. В своей длинной белой сорочке она похожа на привидение. Женщина наклоняется над перилами и смотрит вниз, словно пытаясь увидеть что-то или кого-то: там горит торшер под желтым абажуром и никого нет. Пусто. Она долгую минуту рассматривает слабо поблескивающий бар с десятком разноцветных бутылок, диван, кресла, дерево в фаянсовом лакированном горшке с драконами. Драконов не видно, но она знает, что они там, помнит, как они купили этот горшок... где-то далеко, а потом везли домой. Красный, синий и желтый дракон. Она улыбается: дракон, символ счастья и удачи... надо потрогать... погладить... горшок холодный и гладкий, пальцы скользят... Она ступает на ступеньку, держась за перила, делает шаг, другой... и вдруг летит вниз. Все происходит так быстро, что она не успевает закричать. Спустя минуту женщина неподвижно лежит на полу, разбросав руки и неестественно вывернув голову; лицо закрывают спутанные седые пряди.

Кажется, скрипнула дверь... Показалось! В доме по-прежнему царит тишина; за окном дождь, бело-синие вспышки молнии и раскаты грома...

Глава 1

Когда-то давно, то ли было, то ли нет...

Я встретил ведьму старую
в задумчивом лесу.
Спросил ее: «Ты знаешь ли,
какой я грех несущ?»

К. Бальмонт «Ведьма»

Они сидели в приемной ясновидящей: мать, женщина средних лет, и ребенок, девочка лет пяти-шести. Девочка скучала и крутилась, мать шикала и одергивала. Дверь бесшумно отворилась, и на пороге появилась тощая старуха с морщинистым лицом, в черной монашеской одежде. Она кивнула женщине, приглашая, и исчезла, оставив дверь открытой. Женщина поднялась, перекрестилась и дернула девочку за руку.

— Помнишь, что я говорила? — прошептала она, наклоняясь к ребенку.

— Помню! А что она будет делать? — спросила девочка. — Бабушка сказала, она ведьма!

— Тише! Она ясновидящая. Ничего не будет, просто посмотрит на тебя. А ты помолчи, поняла?

— Ясновидящая... как это? Что она видит?

— Все про человека.

— А она страшная? Заколдует меня? Как принцессу?

— Нет. Если она спросит, ты ответишь, поняла? А сама молчи.

— Хочу мороженое!

— Хорошо. Потом. Иди!

Они вошли в небольшую комнату без окон, с полками до потолка, уставленными пестрой дребеденью: бутылками странных форм, подсвечниками, фарфоровыми и керамическими человечками и животными, шкатулками и тарелками из майолики. За столом в центре сидела крупная немолодая чернобровая женщина с очень белым лицом и светлыми глазами, с гладко причесанными черными волосами и четкой линией пробора. Пустой стол был накрыт темной ковровой скатертью. Женщина повела рукой, указывая на стул, — мелодично звякнули серебряные браслеты. Два массивных браслета черного серебра были ее единственным украшением. Мать села, девочка осталась стоять, во все глаза разглядывая хозяйку. Та протянула руку, подзывая малышку.

— Она... — начала было мать, но ведьма остановила ее жестом; снова звякнуло серебро.

Девочка подошла, все так же пристально рассматривая ее. Долгую минуту та смотрела в глаза ребенку.

— Ты меня боишься? — наконец спросила она.

Девочка помотала головой:

— А ты настоящая волшебница? Или ведьма? Ты меня видишь?

Мать охнула и закрыла рот рукой.

Женщина усмехнулась:

– А ты как думаешь?

– Настоящая! Ты меня заколдуешь? Мама говорит...

Ясновидящая поднесла палец к губам:

– Ш-ш-ш... Дай мне руку! Вот эту.

Девочка протянула левую руку. Ясновидящая взяла ее и внимательно рассмотрела; она закрыла глаза, все еще держа руку девочки в своей. Мать застыла, не сводя с них напряженного взгляда. Женщина открыла глаза, выпустила руку девочки и сказала:

– Видишь на полке игрушечных зверей? Подойди, выбери, какой понравится, и дай мне.

– Один зверь?

Та усмехнулась:

– Один!

Девочка подошла к полке и, привстав на цыпочки, принялась разглядывать фигурки: керамических, стеклянных и фарфоровых лошадок, кошек, сов, обезьян и овец. Наконец она протянула руку и взяла одну из них. Повернулась к ясновидящей, сделала шаг и споткнулась. Выронила фигурку, та упала на пол и разбилась. Мать охнула и вскочила; ясновидящая снова остановила ее жестом, и она послушно опустилась на стул.

Девочка, раскрыв рот, исподлобья смотрела на женщину; та сказала, протянув руку:

– Не бойся. Собери и дай мне.

Она рассмотрела черные керамические осколки: голова с рожками, ножки с копытцами, выпуклые глаза... Козел! Положила ладонь на голову девочки:

— Молодец. У тебя все будет хорошо. Можете идти.

— Но как же! — вскрикнула мать. — Она же... с ней все время что-то... страшно сказать! Боюсь оставить одну! Чуть не утонула, упала с крыши, падает с деревьев, что ни возьмет в руки, ломает, разобьет, порежется... Пожар учинила, цыгане чуть не свели со двора... В колодец свалилась! Змея ужалила! Соседская собака... зверюка! Никого к ней не подпускала, мы полицию вызвали, так они боялись к ней подойти, и хозяин тоже. Из окна выпала! Знакомая сказала, это сатана в погибель играет, метка на ней. Что нам делать? Мне сказали, вы можете... Господи, да помогите же нам! У меня уже нету сил!

Она расплакалась. Ясновидящая кивнула на черные осколки:

— Видела? Это сатана. Разбитый козел. У нее защита. Падает и поднимается. Как тебя зовут? — Она повернулась к девочке.

— Люля! А тебя?

— Анна. А ты сначала была Ангелина... так?

— Откуда вы... — вскрикнула мать. — Да! Но свекровь сказала...

Ясновидящая покачала головой, и она замолчала.

— Ангелина — сила и оберег. Пусть будет Ангелина хотя бы между своих. Не суть. Просто помни, что ты Ангелина, ладно? — Она уставилась ей в глаза, и девочка кивнула. — Приглядывайте за ней. Все, идите.

Женщина раскрыла сумочку, но ведьма сказала:

— Ничего не надо. Идите. Я вас не забуду, буду помнить.

— Это пройдет? — воскликнула мать.

Ведьма — она все-таки была больше похожа на ведьму, чем на волшебницу, — задумалась на миг и сказала:

— Нет. Это судьба. Линия жизни хорошая. Со временем научится избегать. Сейчас она пробует, идет на ощупь, в темноте, потом будет полегче. У каждого человека своя особенность — пока маленький, он не умеет справляться и не понимает, а потом учится. Принимает или нет. Защита у нее хорошая, — повторила. — Идите.

— Но почему?..

Ведьма пожала плечами:

— Судьба.

И они ушли. Девочка, радуясь, что ведьма оказалась не страшной, а доброй волшебницей, как в сказке; мать, разочарованная, что все было так просто и обыденно, а говорили — лучшая. Деньги почему-то не взяла... это знак? Хорошо или плохо? Сказала, приглядывать... Господи! Да с нее глаз не спускают ни днем, ни ночью! Ангелина... и что это значит? Как понять? Она хотела назвать дочку Ангелиной, а свекровь попросила — не надо, была у них в роду одна Ангелина, рано умерла... от греха подальше! Как же она догадалась? Одно слово, ведьма!

— Мам, хочу мороженого! — сказала девочка.

— А горло не будет болеть?

— Не будет! Ты обещала!

— Ладно, только кушать медленно, а не глотать кусками! Поняла? Ангелина ты моя...

Глава 2

Подарок

...timeo Danaos et dona ferentes¹.

Вергилий «Энеида»

В почтовом ящике что-то белело... Письмо? Квитанции выглядят по-другому. Женщина открыла ящик и вытащила небольшой прямоугольный пакет. Прочитала адрес: Елена Добронравова, Монастырская, семь... Все в порядке, это она Елена Добронравова из дома семь по улице Монастырской.

Озадаченная, женщина поднялась к себе на третий этаж, рассматривая посылку. Обратный адрес неразборчив, человек писал как курица лапой. Похоже на Уколова Зоя... Зойка! Зойка? Старая подружка! Здесь, в городе? Просто удивительно, недавно ее вспоминала! Сколько же они не виделись? После института ни разу! Как-то так получилось... Зойка вышла замуж и уехала; она, Елена, устраивалась на работу, встречалась с Глебом... и ниточка порвалась. Нет, сначала, как водится, открытки на праздники: два-три слова, как ты, привет, целую! А потом как отрезало... уже и не вспомнить когда. Порвалась ниточка. Вот так и теряем друзей. Заботы, быт, всякая нестоящая ерунда...

А жизнь тем временем и проходит. Сколько лет! Глеб... когда же это было? Они разбежались через год. Потом

---

¹ ...timeo Danaos et dona ferentes (*лат.*) — ...опасайтесь данайцев, дары приносящих (фраза впервые встречается в поэме Вергилия «Энеида»).

был Павел... оказался сволочью... мама была права. Грег тоже оказался сволочью, причем пьющей. У Нинки вон муж тоже пьяница, но добродушный: всегда как примет, расшаркивается и целует ручки, рот до ушей и дурацкие анекдоты. А Грег делался злой и мотал кишки за неглаженую рубашку, оторванную пуговицу, коллегу, с которым танцевала сто лет назад на Новый год. Упрекал, заводился, срывался на крик, бросался тарелками... сволочь! Хотел квартиру делить! Слава богу, отбилась. Не везет ей с мужиками... Паша, теперешний, вроде ничего, смиренный, но на восемь лет моложе, получает копейки и совсем простой...

Елена отперла дверь, поставила на тумбочку сумку и нетерпеливо разорвала пакет. Ахнула, увидев невыносимой красоты белую с золотом коробочку, перевязанную золотой ленточкой, с названием на французском: «*Lindt Pralines Du Confiseur*». Шоколад! Ничего себе, размахнулась подружка. Этот «Линдт» стоит прилично. С чего бы это? День рождения прошел, следующий не скоро... Ну, Зойка! Помнит, что она любит шоколад. Елена повертела в руках коробочку, надеясь обнаружить открытку или письмо, но в пакете больше ничего не было. Значит, позвонит, поняла она. Городской телефон не менялся.

Она испытывала радость и умиление, представляла уже, как они встретятся, посидят где-нибудь, вспомнят их группу, девочек и мальчиков, рассмотрят фотки, возможно, поплачут... Зойка, Зойка... Ну, учудила, подружка! Да что же это за жизнь такая! Теряем друзей, забываем, черствеем...

Она включила кофейник, достала чашку. Полюбовалась на белую нарядную коробку и развязала золотой бантик.

Открыла и замерла в восторге: шоколадные конфетки — круглые и овальные, сердечки, шарики, с орешками и марципаном... как клумбы! Каждая в золотом гнездышке. Ну и как, спрашивается, есть такую красоту? А пахнет как! Она закрыла глаза и вдохнула запах шоколада. Налила кофе, протянула руку к коробке и задумалась; взяла сердечко черного шоколада, открыла рот и... застонала от наслаждения. Почему никто никогда раньше не дарил ей ничего подобного? А она сама почему? Экономила? Жалела? Права Светка — заниженная самооценка! Светка так и сказала, когда она отказалась купить у нее комплект, розовые лифчик и трусики... вышивка, кружева... с ума сойти! Отказалась, потому что дорого. Ну и дура, сказала Светка. А она рассмеялась: для кого? Для Пашки? Он даже не заметит! Для себя, сказала Светка. Забери хоть гель для ванны, отдам дешевле, у меня аллергия...

Елена вдруг подумала, что на свете много прекрасных, совершенно изумительных вещей, которых у нее никогда не было... косметика, духи, шикарные туфли, кружевные ночные сорочки... мало ли! Она вспомнила свою пижамку с медвежатами и невольно рассмеялась. А почему? Черт его знает. И деньги вроде есть, вот только не привыкла ими швыряться, прочерчены в сознании красные линии: платье — за столько, сапоги — за столько, и ни-ни больше! Стриженный бобер вместо норки... не отличишь — спрашивается, зачем лишнее тратить? Мама так воспитала. Она вспомнила, как однажды уже почти купила сережки с бриллиантами, но в последнюю минуту передумала и взяла такие же, но со стразами. Бюргерша! В кубышку, сказала Светка. Давай, копи на черный день, племяши ждуг не дождутся, когда любимая тетя щелкнет ластами. Вот радости-то будет!

Светка говорит: как ты к себе, так и люди к тебе. Да у тебя на физию написано, что за копейку удавишься, говорит. Права Светка, надо любить себя. И для начала забрать те потрясающие серые замшевые сапоги из «Мегацентра»... точно! Черт с ними, с деньгами. И лиловую губную помаду... и записаться к Светкиной визажистке... завтра же! Все, начинаем новую жизнь!

Она взяла овальную конфетку с миндальным орешком; потом еще одну, и еще. Потянулась за телефоном, набрала Светку — душа требовала участия и одобрения...

Глава 3

Девочки

Потерять независимость много хуже, чем потерять невинность. Вчуже, полагаю, приятно мечтать о муже, приятно произносить «пора бы».

И. Бродский
«Речь о пролитом молоке»

— Вот только не говори, что тебе с ними интересно! С этими неудачницами! Ни за что не поверю! Ну скажи, зачем? Юль? Что ты хочешь доказать? Кому?

Две милые девушки, темноволосая и беленькая, уютно устроились в уголке почти пустого в это время дня кафе «Паста-баста», пили вино и разговаривали.

— Зачем? Скажем, эксперимент, — сказала Юлия — та, что с каштановыми волосами. — Мне интересна их мотивация, понимаешь? Зачем они приходят.

— Мотивация? Ежу понятно! Комплексы, заниженная самооценка... лишний вес, наконец. Надеются на чудо: а вдруг им откроется волшебное слово, трах-бах — и у нее все есть! На халяву. Пусть хотя бы сядут на диету!

— Если они сядут на диету, то потом нагонят. У них такая конституция, генетика, сложившаяся привычка жевать, от которой так просто не откажешься. Дело не в этом. Неудачи не от веса. И почему ты решила, что приходят с лишним весом? Причины могут быть разными.

— Ладно, пусть разные. Так чего же ты добиваешься? — спросила подруга — ее звали Инга. — Их невозможно переделать! Неудачник — это на всю жизнь. Насчет веса ты права, вес ни при чем. Возьми мою начальницу, Зойку! Жрет нон-стоп, как корова, чипсы, орешки, шоколадки и...

— Я хочу ввести их в зону комфорта, — перебила Юлия. — Чтобы они не чувствовали себя неудачницами. Если нужно, перестали жевать, как коровы. Может, они жуют из-за комплекса неполноценности, выводя себя из стресса.

— Комплекс неполноценности? — вскричала Инга. — О чем ты? Зойка считает себя звездой на пляже, она никогда не пойдет в твою секту! Видела бы ты, как она одевается... Малолетки рыдают от зависти!

— Моя студия не для нее, у нее все в порядке с самооценкой.

— Ну да! — фыркнула Инга. — Самооценка зашкаливает.

— Именно. Но есть и другие — они стесняются, носят старушечью одежду, длинные юбки, боятся яркого макияжа и крутят дулю на затылке. Они одиноки, как правило. Не умеют себя подать и продать. Они никогда не знакомятся со стоящим мужчиной, а если познакомятся, то на

радостях согласны на все, но он сбегает утром и меняет телефон.

— И как же ты собираешься научить их продавать себя? Это или есть, или нет. Если она маргиналка — учи не учи, один фиг! Она никому не нужна. Да еще в старушечьих шмотках.

— В корне не согласна и против слова «неудачницы». Считай, что я хочу поставить эксперимент. Собрать... — Она запнулась.

— Маргиналок?

— Они не маргиналки.

— Тогда «те, кто в поиске самооценки»! Как тебе?

Юлия кивнула:

— Примерно. Я хочу подстегнуть их, заставить раскрыться...

— Интересно, как! — перебила Инга. — Заставить их повторять по сто раз мантру: я самая красивая, самая привлекательная, самая желанная, самая-рассамая? Как в том старом кино? Мужики мечтают меня трахнуть, бегут следом и облизываются? Пять раз утром и десять вечером?

— Ну... в том числе. Главное, определить себе цену. Всякий человек чего-то стоит. Только надо это вытащить, понимаешь? Открыть ему глаза. Ей...

— Ладно, допустим. Вон, видишь, чучело у окна? Жрет пирожное. Ужас! Смотри, на губе крем налип! Одета, как моя прабабка. Что можно из нее вытащить? Есть у нее внутри такое, что стоит вытаскивать? Ну?

Некоторое время они рассматривают молодую женщину, сидящую у окна. Та, заметив их взгляд, перестает жевать, одергивает на груди платье, отворачивается и начинает рыться в сумочке.

— Видела? Вот так всю жизнь, — сказала Юлия. — Если она ловит на себе чей-то взгляд, ей хочется спрятаться, ведь она уверена, что ее осуждают или насмеются. В школе ее обижали, парня нет и не было. И не будет. У нее золото в ушах и два кольца, платье недешевое, но ужасный фасон и жуткий колер. Она одинока. Ни подруг, ни друзей. Возможно, старенькая мама на пенсии, которая вечером ждет дочку с ужином. А на ужин жаркое и блины с вареньем. Потом они пьют чай с конфетами или тортиком и смотрят сериал. Отца не было, и она боится мужчин. Но это еще не все! Она работает... по-твоему, где?

— Ну... В частную фирму ее не возьмут, там нужны бойкие барышни. В тишине, с бумажками или с книгами. Может, торгует на базаре... А то еще, знаешь, есть такие — отыгрываются на клиентах. Грубит и заставляет ждать... мымра! Моя соседка тетя Нюся даже плачет из-за одной такой в ЖЭКе. Безнадега полная.

— Ее нужно подтолкнуть, — сказала Юлия. — Дать пинка.

— Насчет хорошего пинка согласна. А насчет помочь... как? — саркастически спросила Инга. — Если искать ей мужика... сама понимаешь. Пусть идет на сайт знакомств. Или в бюро брачных услуг.

— Для этого нужна уверенность, а ее нет. Для начала я сведу их вместе, пусть выговорятся. А потом начну шлифовать.

— Ага, давай, шлифуй. Я уверена, люди не меняются. Форма — возможно, а начинка — нет.

— Посмотрим. Пусть вырвутся из клетки, а там будет видно. Человек — существо социальное, ему надо выгова-

риваться — желательно не маме в жилетку, а сверстнице одного калибра и возраста. Выплакать свои обиды и послушать, что говорят другие. Убедиться, что всем хреново, но это поправимо. Она должна понять, что не худшая. Надо почувствовать себя членом стаи.

— Ну, не знаю... Поправимо? Как? Устраивать для них сеансы психотерапии? Запостить галерею: до и после? И назови как-нибудь прикольно... сейчас! — Инга достала из сумочки айфон, полистала. — Вот! Целая куча названий! «Леди-клуб», «Через тернии», «Апельсинки», «Между нами, девочками», «Шпилька», «Бигуди», «Каблучок»! А вот еще... «Женсовет»! «Кнопка»! «Гламур»! «Леди-бум»! Офигеть! Их же полно, все давно откатано, куда тебе соваться? — Она помолчала. — Никогда не верила, что это работает. Просто мода пошла: лузеры ложатся на диван, а психиатр зевает и делает вид, что слушает их нытье. Или как у анонимных алкашей: одни выкладывают все про себя, другие хлопают, потом меняются местами. Я бы ни за какие коврижки! Не наше это, не верю.

— Ты не права, словом можно поднять и уничтожить. Человек — стадное животное, ему нужно одобрение окружающих... как правило. Когда-нибудь я напишу книгу...

— Все книги на эту тему давно написаны!

— Да! Их написали мужчины.

— А! Ну да, ну да, мужчины... что они вообще понимают в неудачницах! Толстошкурые эгоисты-сексисты, ну их на фиг! А спермой разживемся в банке. Баб, между прочим, тоже полно пишет. Самооценка, любить себя, знать себе цену. И главное, все сами неудачницы. Теорию знают, а практику — извини-подвинься.

— Я, наверное, скоро уеду, — сказала Юлия после паузы.

Инга уставилась на подругу:

— В смысле? Как это ты уедешь?

Юлия пожала плечами:

— Здесь тесно, все друг друга знают. Мне нужна анонимность и размах. Горизонты. Надоело.

— Не понимаю! — всплеснула руками Инга. — Прекрасная работа, тебя все знают... друзья! Бизнес-психолог со стабильной клиентурой... Если честно, никогда не понимала, на хрен им психолог... твоим клиентам. И вот так все бросить и свалить черт знает куда, чтобы начать с нуля? Ты в своем уме? Я против!

— Дефолтная сеть развивается в экстремальных условиях! — Юлия постучала себе пальцем по лбу. — Незнакомая обстановка, например.

— Чего? Какая еще сеть?

— Точки в мозгу, которые отвечают за креативность.

— И что это значит?

— Вечный поиск. Ты же ищешь миллионера... Вот и я. Скучно живем, хочется чего-то новенького.

— Сравнила! — рассмеялась Инга. — А как же твой Никитка? С тобой или... как?

— Не знаю, мы с ним это не обсуждали, — неохотно сказала Юлия. — Это пока проект.

— Как всегда сбежишь? До сих пор не понимаю... Владик, Юрка, Стас... нормальные ребята! — Инга стала загибать пальцы. — Стас до сих пор сохнет, всегда спрашивает. Не жалеешь?

— Нет, — коротко ответила Юлия.

— Какого рожна? Чего не хватает? Что тебя вечно корежит? Это из-за сетки в мозгах или шила в... там? У вас

же с Никиткой такая любовь, сама говорила! Вы что, поссорились?

Юлия пожала плечами:

— Надоел! Скучно.

Инга всплеснула руками:

— Этот тоже? Ну и дура! За ним полгорода бегают! Морда лица, все при нем... шикарный мужик! Деньги, наконец. А ты будто паучиха... как ее? Черная вдова! Трахнулись, и пошел вон, так? А то откушу голову.

Юлия промолчала.

— Подожди, так ты от него сваливаешь? И твое общество защиты бобров с той же радости? Неужели так хреново?

Юлия продолжала молчать, рассматривая полки, где стояли большие и маленькие стеклянные пузыри с разноцветными маринованными перцами и помидорами.

— Можешь наконец сказать, в чем дело? — рывкнула Инга, ляпнув ладонью по столу.

Женщина у окна, приоткрыв рот, пристально их рассматривала; на ее верхней губе по-прежнему белел шма-ток крема.

— Ни в чем. Надоел. Все надоело. Хочу новые пейзажи и горизонты.

— И я надоела?

— Ты? — Юлия долгую минуту рассматривает подругу, говорит наконец: — Ты — нет. Приедешь в гости?

— Ха! Свали сначала. А тетя Лена знает?

— Мама? Не знает. Нечего знать пока.

Они помолчали.

— Ты все-таки подумай... обещаешь? — сказала Инга. — Не руби, ладно?

Юлия кивнула.

— Послушай, а эти твои несчастные тетки... ищешь, кому еще хуже? Можешь наконец сказать, что с тобой?

И снова Юлия не ответила...

Глава 4

Сожители. Быт, рутина... Как же меня достала эта чертова жизнь!

...Хохмой вывернуть тоску?

Может, кто откусит ухо?

Ку-ку!

Скука.

А. Вознесенский «Скука»

Адвокат по бракоразводным делам Алик Дрючин сидел в своем офисе, скучал и смотрел в окно. Час назад его бизнес-партнер Александр Шibaев бросил на стол два конверта с результатом разыскных работ, причем с таким выражением лица, что Алик не решился ни о чем спросить и выскочил, хлопнув дверью. У Алика даже в ушах зазвенело — тоненько и противно. Сожитель на глазах сползал в депрессию. Опять и снова. Тонкая и чувствительная натура, несмотря на пудовые кулаки и общий вид. А кому, спрашивается, хорошо? Вчера сказал, что хочет набить кому-нибудь морду. Ну так набей, зачем мучиться?!

Вообще, Алик давно заметил, что в результате драки деловой партнер получает заряд оптимизма и серото-

нина, в результате чего в нем пробуждается интерес к жизни. Он оживает на глазах и даже позволяет Алику оказать ему первую помощь, ну, там, смыть кровь и смазать физиономию вонючей мазью от синяков. А если совсем хреново, вызвать Славика Кучинского, придворного хирурга, чтобы наложил на нужные места пару швов.

Славик прилетает со своим докторским саквояжем, моет руки и начинает раскладывать на столе всякие блестящие штучки, пузырьки, шприцы и бинты. Алику сразу делается дурно, а этим двум хоть бы что. Славик для поддержания духа пациента расскажет полуприличный анекдот из медицинской практики, Шибаев, возбужденный после драки и укола, радостно заржет. Альфа-самцы чертовы, думает Алик, стараясь не смотреть. Славик шьет, рассказывая очередную байку, Шибаев продолжает ржать, Алик же...

Алик с вымытыми руками, преодолевая дурноту, дежурит на подхвате: ну, там, подержать что-нибудь или промокнуть кровь. Причем он подозревает, что Славик привлекает его намеренно, так как прекрасно может обойтись без ассистента. Просто ему интересно наблюдать его перекошенную физиономию.

Бессердечные циники!

Но если честно, Алику нравится, когда Шибаев вваливается домой после драки — он сам словно приобщается к настоящим мужским реалиям, абсолютно чуждым ему: мордобою, сбитым кулакам и окровавленной физиономии. Алик никогда в жизни не дрался, его даже в школе не били по причине хилости. Замирая от восторга, он издали наблюдал за здоровенным лбом Сашкой Шибаевым — кликуха Ши-Бон, — первым хулиганом школы,

классным футболистом, украшением спортивных олимпиад, за которым бегали самые красивые девчонки.

И надо же было тому случиться, что именно он, Алик Дрючин, однажды оказался для Шибаева путеводной звездой, протянув ему, тонущему, руку помощи. Да, да, задохлик Алик Дрючин – мордovorоту Сашке Шибаеву. Популярному и знаменитому Ши-Бону. Протянул руку и подставил тощее плечо, а Ши-Бон оперся. На тощее Аликово плечо!

Он тогда был в раздрызганном состоянии – из-за нелепой истории пришлось сменить род деятельности, уйти из подающих большие надежды и талантливых оперативников в никуда. Не столько сам ушел, сколько вышибли, спасибо, хоть без особого шума в силу былых заслуг. И остался Шибаев как битый рыцарь на распутье: без лошади, без меча, в запятнанных и мятых латах, с подпорченной репутацией¹. Ну, как водится, запил. Слетел с катушек, как говорится. Так и пропал бы, но случился ему как гений чистой красоты Алик Дрючин и дал путевку в новую жизнь. В результате стал Ши-Бон частным сыщиком... больше ничего он в жизни не умеет. Собака-ищейка с обостренным нюхом, идущая по следу. Алик даже поделился с ним собственным офисом, поставив второй стол – и веселее, и финансово выгодно. Также и в деловом отношении: приходит, к примеру, к Алику клиент с мыслью о разводе, а тут не только адвокат, но и готовый детектив, который докажет на раз-два супружескую неверность. Алик даже переселился к Шибаеву на

---

¹ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Магия имени» и др.

время, для моральной поддержки, перетащив гардероб и коллекцию косметики, да так и остался. Как говорят философы: нет ничего более постоянного, чем временное...

Ну и как вы себе представляете это сожительство: упорядоченного зануду Алика и разгильдяя Ши-Бона? Алик, несмотря на хлипкую конституцию, человек упертый, доводящий все до логического завершения или до абсурда, что частенько одно и то же. Для Шибаева же, как для самурая, главное не цель, а путь, движение, процесс, на такие мелочи, как быт, он давно забил. Одним словом, Алик с ходу взялся за наведение порядка в шибаевских конюшнях, образовавшихся в результате общего пофигизма после развода с женой Верой, которую Алик не любил и побаивался; она платила ему той же монетой и обзывала бледной поганкой или чем похуже. Они иногда сталкивались – Вера, уверенная, что Шибаев без нее пропадет и весь прямо исстрадался, а также, желая убедиться, что ее место все еще пусто, являлась без приглашения под видом заботы о брошенном супруге то с котлетами, то с отбивными и беспардонно шарилась по квартире, как у себя дома, попутно вынося ему мозги за пыль, беспорядок и немытую посуду. А особенно за Дрючина, к которому ревновала, будучи собственницей. И это при всем при том, что была она снова замужем за одним некрупным предпринимателем. Казалось бы, у тебя новая семья, новый муж, горизонты, возможности... все такое, на хрен тебе, спрашивается, экс-неудачник?

Шибаев, поедая котлеты, вяло огрызался. Алик во время ее визита молчал в тряпочку и не отвечивал, но, когда она уходила, отыгрывался по полной. А так как был он мастер казуистики и умел убеждать, Шибаев в конце

концов наплевал на котлеты и сменил замок — Веру, явившуюся в очередной раз с кастрюлями, ожидал облом. Крику было! Алик торжествовал — не ходил, а летал. Так и в жизни: один утверждает кулаками, другой мозгами. А еще говорят: сила есть, ума... ну, вы знаете. Правда, в их случае это верно не на все сто процентов, так как Ши-Бон далеко не дурак. Просто он из тех сильных, что легко ломаются, в то время как тощий хилый Алик гнется и вообще оптимист — бежит по жизни вприпрыжку. С этой точки зрения их союз вполне успешен, так как они дополняют друг друга: упертый мрачноватый тяжеловес Ши-Бон и подвижный оптимист Алик, этикие *инь* и *ян*... не подумайте ничего такого, чисто с философского ракурса.

Примерно месяц назад немолодой состоятельный клиент, назовем его господин N., которого Алик разводил в свое время с предыдущей женой и составлял брачный контракт для нового брака по безумной любви, попросил порекомендовать ему дельного сыскаря, так как у супруги, похоже, завелся хахаль — такое у него нарисовалось подозрение. Алик сказал: конечно, *ноу проблем*, есть у меня один такой, все сделаем *леге артис*, не волнуйтесь, желание клиента — закон.

Шибаев походил за дамочкой несколько дней и бросил на стол конверт с фотками, о чем читатель уже знает. Алик открыл и ахнул! Дело, считай, выиграно. Но это было еще не все. Шибаев швырнул еще один конверт, рывкнул: «Иди ты знаешь куда?!» — и выскочил из офиса, громко хлопнув дверью. Недоумевающий Алик открыл второй конверт и снова офонарел: там были фотографии его клиента, причем крайне компрометирующего

свойства. Как вы понимаете, не с женой, а с совершенно посторонней особой.

Каков поворот сюжета, подумал Алик, потирая руки. Согласно брачному контракту, изменивший или изменившая изрядно теряли, а тут мина с подожженным фитилем... или что у нее там, готовая взорваться. С двумя фитилями.

Он сидел до ночи, глубоко задумавшись и соображая, что же делать. Необходимо заметить, что раздумья его были не столько этического характера, сколько финансово-конспиративного. Первую дозу компромата он продаст клиенту, с этим все ясно, а вот вторую... ежу понятно, супруге. Только надо хорошенько продумать все ходы, чтобы не влететь и сохранить лицо. Ши-Бон молодец, хотя намерения у него были как раз этического плана — он собирался открыть ему глаза на низость клиента. Ха! Удивил! Уж он, Алик, насмотрелся, с его-то опытом. Ушаты помоев, жадность, подлость... до смертоубийства доходит! «А ведь была любовь, — ностальгически думал он. — Куда все девается?.. Между прочим, любимая тема для рассуждений за ужином с жареной картошкой и мясом под пиво».

— Ну вот скажи, Ши-Бон, — задумчиво вопрошал Алик, — куда, а? Куда оно все девается?

— Отстань, — отвечал Шибаев, — откуда я знаю? Тебе виднее, у тебя четыре ходки, и все по любви, вот и скажи куда.

— Не знаю, — печально качал головой тот. — И никто не знает. Любовь до гроба только в легендах. И то если умерли молодыми...

— Ага, если повезло, — говорил Шибает, налегая на мясо.

— Ты бескрылый, — пенял ему Алик.

Шибаетовский бойцовый кот Шпана, с разорванным ухом, в боевых шрамах, сидевший за столом на табурете, переводил взгляд с одного на другого и, улучив момент, выбрасывал здоровенную лапу и вонзал когти в кусок мяса, тащил к себе и глотал, не жуя.

— Твое животное опять сперло мясо! — Алик возмущенно замахивался на кота вилкой. — Пошел вон, скотина! Скажи ему!

— Тебе жалко?

— Пусть мышей ловит!

— Мышей... откуда у нас мыши! Пиво еще есть?

— Ты во всем ему потекаешь!

— Про любовь все сказал? Не отвлекайся, Дрючин, давай про любовь.

Но настроение прошло, про любовь больше не хочется. Паршивый котятра!

Да, так о чем мы? За окном ночь, Алик Дрючин сидит за столом и рассматривает поочередно фотографии нечистых парочек с утехами на стороне, что специально оговорено в брачном контракте. Если снабдить обоих супругов компроматом, им придется торговаться до пороссячьего визга, а он, Алик, будет выступать на стороне каждого, и гонорар, соответственно, подскочит в количестве до фи́га. Шибает, конечно, заткнет скандал... максималист гребаный! Придется доказывать ему, что *обое рябое*, как говорила бабка адвоката, и раз уж такая шикарная карта привалила, надо быть идиотом, чтобы не воспользоваться. Не надо зарывать талант, одним словом.

Алик достал конверт, сунул туда две фотографии беспутного мужа-клиента и надписал; обратный адрес, разумеется упоминать не стал. *Tuna*, от неизвестного благожелателя. Женщина получит это завтра, в крайнем случае послезавтра; он, Алик, позвонит ей, представится и попросит о встрече для обсуждения бракоразводного процесса. Будет строг и официален. Она примчится с компроматом на супруга и, пылая торжеством и праведным гневом, ткнет ему под нос фотки изменника, а он посреди ее визга вывалит ей вторую часть компромата и спросит: «Это случайно не вы, мадам?» Он хихикнул, представив себе ее физиономию и еще раз вообразив физиономии обоих супругов. Красивый *эквилибрум*, молодец Шибаев. И он, Алик Дрючин, тоже молодец. Даже гений!

Он потянулся и зевнул. Посмотрел на часы на стене — половина первого. Ши-Бон хлопнул дверью, значит, предстоят разборки. Он ненавидит свою работу, считая ее мелкой и ничтожной. Конечно, после убойного отдела, красивых резонансных и серийных дел подглядывать в замочную скважину — все равно что заставлять волка жрать сено. Он надеялся, что его позовут назад, тем более вина его доказана не была, а объяснительной скорее поверили, чем нет, но репутация... Репутация!

Бывший коллега и, можно сказать, друг, гм... ситуативный друг! капитан Астахов *намекнул*, что, возможно... возможно! создается новый отдел, суперсерьезный, и он поручился... чем черт не шутит! Ши-Бон, окрыленный, ждал. Как оказалось, напрасно, на отдел не дали денег, и проект накрылся медным тазом. Капитан Астахов, уводя взгляд в сторону, утешал, обещая, что отдел рано

или поздно все-таки откроют, надо только подождать. «В гробу я видал, — твердо сказал Шибаев. — Не верю». На том дело и кончилось. *Ce tu*, как говорят французы¹.

Алик тоже утешал как мог, без прорыва рассказывая про свет в конце туннеля, праздник на нашей улице, блаженных верующих, худо без добра; зудел, успокаивал, приводил примеры падений и подъемов великих мира. Даже оптимистические стихи читал. Одним словом, оттягивался от души. Алика хлебом не корми, дай потрепаться, причем на любую тему, а тут ему и карты в руки — Шибаев молча лежал носом к стенке и никак не реагировал. Даже подушкой не бросался...

... Часы на площади пробили четыре раза и после паузы еще один, в другой тональности. Час ночи. Алик поднялся из-за стола. Сейчас Ши-Бон начнет втирать ему про ничтожность задач и помощь всяким... э-э-э... *чудакам*, швыряться чашками и опять хлопать дверьми... чертов идеалист! «А ведь мой долг адвоката помогать людям, — со скромным пафосом думал Алик, — защищать слабого... правда, трудно понять, кто тут слабый, как пирани в банке, честное слово! Так что, прикажете стоять в стороне с постной мордой блюстителя, если можно прилично заработать? В смысле, блюстителя морали. На то и слабости ближнего, чтобы умный человек мог на них навариться. А ты не греш!» Алик бросил взгляд на диванчик, на котором иногда дремал после обеда... неудобный и короткий, после него ныли плечи и спина. «Не валяй дурака, — твердо сказал себе адвокат, — иди домой. Ну!»

---

¹ C'est tout (*фр.*) — вот и все.

Глава 5

Таинство брака.

Дразги

О, пошлость и рутина — два гиганта,
Единственно бессмертные на свете,
Которые преодолевают всё...
Насмешливо и нагло выжидая,
Когда придет их время...

Н. Некрасов

«О, пошлость и рутина...»

Мужчина осторожно провернул ключ в замочной скважине и прислушался. За дверью было тихо. Он нажал на ручку и толкнул; дверь скрипнула. Он чертыхнулся и застыл, прислушиваясь. Оглянулся на лестничную площадку и протиснулся внутрь, стараясь, чтобы проклятая дверь снова не скрипнула. Не зажигая света, на ощупь, хватаясь за стену, сбросил туфли и куртку, прошел в гостиную. Через окно падал слабый свет уличного фонаря. Он стянул галстук, расстегнул рубашку и повалился на диван. Перевел дух — кажется, пронесло. Но он ошибся.

— Где ты был? — раздался резкий голос, как ему показалось, ниоткуда. Он вздрогнул и почувствовал укол в сердце. — Может, расскажешь, с кем?

— Светка? — воскликнул он, опомнившись. — Ты чего не спишь?

— Тебя жду! Где ты был? — повысила голос сидевшая в темноте и совершенно незаметная женщина. Вспыхнул торшер, супруги посмотрели друг на дружку. Мужчина был нетрезв, что бросалось в глаза; он зажмурился и при-

крыл лицо рукой. Женщина в красном атласном халате смотрела в упор взглядом великого инквизитора. Жидкие длинные волосы-блонд разметались по плечам, лицо лоснилось от крема. В голосе чувствовались истеричные нотки и радость от предвкушения скандала. Мужчина мысленно чертыхнулся и пробормотал:

— Засиделись с Ромой допоздна, заканчивали проект... — Его звали Тимофей, Тимоша. Редкое по теперешним временам имя. — Потом пошли отметить, сама понимаешь... Я же оставил сообщение, что приду поздно.

— Я тебя, кобеля, прекрасно понимаю! — Голос жены звенел от возбуждения и злобной радости. — Ты даже не подозреваешь насколько! Ты подонок! Ты испортил мне жизнь! Лучшие годы... кому, спрашивается? С Ромой, говоришь? И телефончик вырубил? А его Лялька сказала, он спит! Ты же клялся, что не будешь пить, на коленях ползал, плакал! Тебя же, козла, привязывать надо!

Она обличала мужа, с наслаждением выплевывая обидные прозвища и сжимая кулаки, — соскучилась за долгий день от безделья. Мужчина, предприняв пару попыток оправдаться, замолчал. Вдруг он поднялся и пошел на кухню. Жена побежала следом. Он включил кофеварку, повернулся к ней и спросил:

— Будешь?

Жена замолчала, почуяв недоброе. Они смотрели друг на дружку. Он в упор разглядывал удивленно приподнятые синие тату-брови, бесцветные круглые глаза, лоснящееся лицо, усики над верхней губой. Скандал выдохся на глазах, сам собой, как следует не разгоревшись.

— Где ты был? — Супруга не собиралась сдаваться и предприняла еще одну попытку, но сбавила тон. —

Я чуть с ума не сошла, не знала, что думать! Не мог позвонить?

— Не хотел портить себе настроение. Устал до чертиков... имею я право на бокал пива или нет? Или должен спрашивать разрешения?

— Ты же обещал. Все время врешь... я... я устала, наконец!

— Устала? Ты? Ни хрена же не делаешь!

— Ты меня еще куском хлеба попрекни! — взвилась супруга. — Давай, не стесняйся!

О! Жадность и скупость супруга — поле непаханое. Можно припомнить недокупленное, недоданное, несостоявшееся... Жлоб!

— Чего ты добиваешься? — рявкнул мужчина.

— Чтобы меня любили и уважали!

Он расхохотался:

— Любили и уважали, конечно! Сидишь дома, растолстела... на кого ты похожа!

— Да как ты смеешь? Сам не хотел, чтобы я работала! Ты меня к столбу ревновал... — Она закрыла лицо руками и зарыдала.

Мужчина ухмыльнулся:

— Свежо предание. Чего ты добиваешься? Развода? Ради бога! Завтра же! Наша семейная жизнь меня уже достала!

— Я не хочу развода! — закричала женщина. — Я хочу нормальной семьи! Хочу ходить в театр, ездить на море... мы же никуда не ходим! У тебя кто-то есть! Я чувствую, ты стал чужой, я же все равно узнаю! Имей в виду...

— Никого у меня нет, — перебил он. — Хорош орать! В ушах звенит.

— Ты каждый вечер в баре или... не знаю, где! Чего тебе не хватает?

— Хочешь услышать?

— Хочу! Ну?

— Без толку! С тобой не о чем говорить, ты скандальная...

— Заткнись, сволочь! — Женщина швырнула в мужа чайной ложкой. Тот увернулся, и ложка, звякнув, упала на пол. — Ой, сердце... — Закатив глаза и приложив руку к груди, она стала сползать со стула.

— Ты у меня вот где, поняла! — Он резанул себя ладонью по горлу. — Осточертел твой ор! Все осточертело! Завтра же подаю на развод. И не надо театра, посмотрелся! — Он выскочил из кухни, забыв про кофе.

Жена швырнула ему вслед чашку и снова громко зарыдала.

... Так они и жили. Утром, когда встало солнце, от ночной бури не осталось и следа. Светлана, подкрашенная и красиво причесанная, убрала осколки, протерла пол и возилась с завтраком: варила кофе и делала бутерброды с любимой ветчиной супруга; выжимала апельсиновый сок. Тимофей, благоухающий туалетной водой, при галстукe, бодро переступил порог кухни, поцеловал жену в щеку и сел завтракать. Общались супруги как ни в чем не бывало, будто положительные карамельные герои в сериалах; о вчерашней безобразной сцене и разводе никто даже не заикнулся. Пар был выпущен и мир восстановлен. Чего не скажешь сгоряча!

Что там говорит народная мудрость про одну сатану? То-то.

— Представляешь, мы получили заказ на сотню гномов, — сообщил Тимоша. — Удачная модель! При чем чем ярче, тем больше хватают, средний размер самый ходкий, до пятидесяти сантиметров. Еще мухоморы, волки и рыбы...

— Рыбы? На газоне?

— Именно! Представляешь? Сам не ожидал, теперь подумываю о лягушках. Рома предлагает открыть филиалы в области, он узнавал, там нет ничего подобного. Как, по-твоему, стоит ввязаться?

— Ну... не знаю, а если не пойдет? Денег жалко!

— Заработаем! Конечно, сначала все подсчитаем, съездим с Ромкой на разведку... Мы с ним надумали расширить ассортимент, добавить Белоснежку, Бабу-ягу, Дракулу и этого... Годзиллу на задних лапах. Народ строится, всем нужна керамика на газон. Мы даже задумались над фонтанами с лягушками... но это пока сложно. Вообще, я полон идей и замыслов! Набросал эскизы, хочу, чтобы ты посмотрела. Всегда доверял твоему вкусу.

— Посмотреть можно, но... и так все вроде хорошо, может, не нужно торопиться? — сомневалась Света. — А почему не памятники?

— Свет, времена сейчас сама знаешь какие, остановишься — сожрут! Ромка может отколоться и начать свое дело, хапнуть общие идеи... Между прочим, мне шепнули, что он ведет переговоры на стороне. Идеи надо столбить под нашим брендом! Насчет памятников... может, позже.

Как читатель уже понял, Тимофей Сабуров, владелец небольшой фабрики-цеха, производящей фигурки для газонов, — художник, человек творческий и полный замыслов. Художник, правда, в прошлом, причем не очень удачный, скорее заурядный. В его картинах не было полета и дерзости, хотя они продавались. Кстати, познакомились Тимофей и Светлана на выставке городских художников. Она, оплакивая мужа-предпринимателя, погибшего в ДТП, забрела туда случайно и остановилась перед его картиной — приятным глазу пейзажиком, по-

хожим на омлет, посыпанный зеленым лучком, а он подошел и заговорил... Она смутилась — это не ее круг, он казался ей небожителем! Он же был снисходителен, ему льстил ее трепет. Это стало началом их отношений...

Кстати, необходимо признать: не все его идеи были плодотворны, иногда приходилось терять... как, например, с идеей производить женщин палеолита. Все знают, такие, гм... своеобразные женские фигурки с большим бюстом и маленькой головой, найденные при раскопках. Так и называются: «Венера палеолита». Вещь для понимающих. Он тогда загорелся, но почему-то не задалось. Понимающих оказалось раз-два и обчелся, народ не воспринял новации, что доказывает: художественный вкус на нуле. А сейчас пошла карта, и Тимофей был полон радужных надежд.

Фабрика керамических гномов, между прочим, называется «Светлана»...

Глава 6

Любовники. Часть первая

...Я люблю вас тайно,
Вечера глухие, улицы немые.
Я люблю вас тайно, тёмная подруга
Юности порочной, жизни догоревшей.

А. Блок

«Часовая стрелка близится к полночи...»

— По-моему, Кирка, скотина, что-то подозревает, — сказала Настя, приподнимаясь на локте и заглядывая мужчине в глаза. — Он так на меня смотрит... Вава, я боюсь!

— Глупости! — ответил мужчина по имени Владимир, но для нее — смешное и неожиданное Вава. — Мы обсуждали кое-что вчера, я бы заметил. Эти айтишники на своей волне, ему и в голову не приходит, что мы вместе.

— Он меня ненавидит, — сказала Настя. — Согласна, Кирка весь в себе, но он хитрый и подлый, все исподтишка... Он сделает все, понимаешь? Все, чтобы уничтожить меня! Венька его обожает... как же, наследник! Он всему поверит.

— Если за столько лет не уничтожил... Не преувеличивай, я бы почувствовал, у меня знаешь какой нюх? — Мужчина потрогал нос и рассмеялся. — Он сам не прочь с тобой перепихнуться! Повезло Веньке! Все мужики мечтают с тобой...

— Замолчи! — Настя закрыла ему рот ладонью. — Иногда он так смотрит на меня... — Она поежилась. — А однажды сказал, если я позволю себе утехы на стороне, он меня убьет. Ты его знаешь, он правда убьет. Он убийца! Веню Крутого знают все!

— Не убьет, не бойся. Те, кто поднялся в девяностых, крутые мужики, не спорю, но это в прошлом. Да и не верю я, что он убивал, слишком умен для убийства. Иди ко мне! Страх подхлестывает, не находишь? Веришь, сижу на совещании и представляю нас вместе... тебя, твой смех, твои губы, язычок... как у змейки! У меня еще никогда не было такой женщины, честное слово! Смотрю на босса и думаю: «А ведь ты, братец, рогоносец! И я тяну твою супругу...» Как он называет тебя? Девочка? Моя девочка! — Он рассмеялся. — Ты моя девочка? Наша!

— Фи! Тяну... Сказал бы, что любишь! Твоя, твоя!